ПОСЛЕДНИЙ МАРАФОН

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

МИЛЛИ МЕЙСОН

18+

Милли Мейсон
Последний марафон

https://litres.ru/74656592
SelfPub; 2026

Аннотация

Брук Картер проснулась спустя месяц после конца света. Последнее и единственное, что она помнит — это крики боли бегунов марафона и голос любимого, который подбадривал ее на протяжении всего забега.

Теперь мир принадлежит мертвецам. Города разрушены, выжившие готовы убивать друг друга за убежище или банку консервов, а каждый новый день превращается в гонку со смертью.

Почему бывший военный медик Джордан Рид рисковал жизнью ради незнакомой девушки? Что произошло с тем самым месяцем, который исчез из ее памяти? И сможет ли сердце отпустить прошлое, если оно однажды вернется?

Некоторые марафоны невозможно выиграть, — только пережить, либо умереть от укуса зараженного.

Содержание

Пролог 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Милли Мейсон
Последний марафон

Пролог

Беру парня за руку и ускоряемся последние метры до финишной черты. Весом разрываем клетчатую ленту и люди вокруг встречают первых финишеров — нас.

Вокруг раздаются крики и завывания болельщиков, репортер уже направляется в нашу сторону, удерживая микрофон, который кажется выглядит больше, чем его голова. Второй человек едва тянет за собой аппаратуру, поправляя множественные шнуры, ответвляющиеся к фургону спортивного телеканала.

Он хочет задать нам пару вопросов, но в первую очередь решаю разделить эту радость с любимым человеком:

— Эндрю, мы справились! — кричу и вешаюсь ему на шею. — Мы первые!

— Мы в прямом эфире, — пытается прервать нас репортер, но эмоции на пределе.

Эндрю крепко обхватывает меня двумя руками и поднимает в воздух, кружа на месте.

Не могу сдержать радостного смеха.

— Все благодаря тебе, милая, — отвечает он и ставит ме-

ня на место. — Что теперь? Давай уже ответим репортеру или он сойдет с ума, — шепчет, наклонившись вплотную.

Крики вокруг стихают, сменяясь завыванием ветра и музыка замедляется, словно на сломанном плеере.

Тело сковывает от страха.

— В чем дело?

Эндрю замирает и приходится отстранить его за плечи, чтобы взглянуть на жуткое выражение лица. Сначала — замечаю помутневшие белки, наполняющиеся темными линиями, будто старый потрескавшийся фарфор. Эндрю касается полоски моей кожи между топом и шортами, руки кажутся настолько ледяными, что пробивает на дрожь.

— Эндрю?! — взвизгиваю, когда вижу в его шее зияющую дыру, через которую видно трахею. — Ч-что…

По светлой спортивной футболке расползается багровое пятно. Он впивается в мои запястья с такой силой, что становится больно.

— Это благодаря тебе, — хрипит он и глаза наливаются кровью. — Разве тебе не нравится, милая? Ты ведь так хотела поехать сегодня. Я ведь говорил тебе, что лучше пробежать в следующем году. Ты не помнишь?

Отрицательно мотаю головой, закрываю глаза, будто это поможет и пытаюсь вырвать руки. Но хватка становится лишь сильнее.

Мой рот открывается, но звук так и остается глубоко в горле. По подбородку Эндрю стекает тонкая струйка слюны,

смешанная с чем-то темным, липким.

Он выглядит безумно.

Воздух заполняет гнилостный запах разложения и крови, с примесью легкого аромата плесени.

Неизвестный подбегает ко мне со спины и подхватывает на руки. Пытаюсь сопротивляться, но все бесполезно. Свисаю на его крепких руках, словно тряпичная кукла, пока Эндрю бежит за нами, издавая звериное завывание и рычание.

Пытаюсь закричать, но голос затерялся в легких. Остался лишь хрип. Только слезы, застилающие глаза.

Кто-то крепко прижимает меня к груди, и чувствую запах мужского пота, пыли и металла.

Неизвестный что-то кричит Эндрю, но слова тонут в гуле криков, наполняющих шоссе. Люди встают с трибун, падают, бегут друг по другу, ломая кости. Репортеры снимают происходящее, но как видят бегущую на них толпу — пытаются убежать в сторону. Слишком поздно.

Последнее, что вижу перед тем, как все меркнет, — искаженное лицо Эндрю, стоящего посреди дороги. Он больше не бежит за нами. Просто стоит, опустив руки по швам и смотрит с широкой улыбкой на лице.

Кажется, что приложит чуть больше усилий и она треснет до самых ушей, а он расколется, будто старая фарфоровая кукла.

***

Мерцание мигающих люминесцентных ламп — вызывает

панику, становится трудно дышать. Резко сажусь в кровати, осматриваясь по сторонам и прижимая ладонь к груди.

Я не дома.

В больничной палате выбиты окна, по полу разбросаны разбитые ампулы с блистерами от лекарств. В рецепторы ударяет резкий гниения, будто где-то рядом умерло животное или целое стадо скота.

Утренний воздух, пробивающийся через рамы слегка морозит щеки и нос, заставляя поежиться под одеялом.

Пытаюсь вспомнить, как попала в комнату из фильмов ужасов, но в голове лишь воспоминание о последнем старте. Нога онемела, будто ее придавили бетонной плитой.

Скорее всего отлежала, потому что всегда сплю на одном боку.

За разбитыми стеклами — абсолютная тишина. Не слышно даже птиц или шума проезжающих машин.

Смотрю на руки и вижу отросший маникюр, который делала совсем недавно.

Странно. Ничего не понимаю.

Провожу ладонью по лицу: кожа холодная, словно лед. Под ногтями засохшая корка крови, на запястье — тонкая полоска, будто от браслета, которого у меня никогда не было.

Стоп.

А где Эндрю?

Мы с парнем на протяжении года готовились к марафону, который был, как кажется вчера. Строгий график, пита-

ние, наблюдение спортивными врачами, тестирования, четкий тренировочный цикл, массажи и прочее.

Пришлось уйти с работы и выживать на зарплату спортсмена, но если учесть, что у нас было бесплатное трехразовое питание и экипировка от спонсоров, — платить приходилось только за аренду квартиры.

Если так подумать, то жили мы неплохо. Кто-то может об этом только мечтать.

— Эй. Есть тут кто? — крик тонет в пустоте, возвращаясь ко мне призрачным эхом, отраженным от стен.

Пытаюсь подняться, но стоит перенести вес на правую ногу, как тело пронзает острая, невыносимая боль. Опускаю взгляд и замираю: нога зафиксирована в аппарате внешней фиксации.

— Вот же черт, — цежу сквозь стиснутые зубы. — Кто-нибудь помогите!

В груди нарастает тягучее беспокойство, заставляя разгоняться пульс настолько, что болит под ребрами.

«Я больше никогда не смогу бегать», — проносится в голове и я сдерживаю подступающие эмоции.

Мертвую тишину прорезал резкий лязг металла, заставивший подпрыгнуть на месте. Осматриваю помещение в поисках того, что могло пригодиться в качестве защиты. Это место не похоже на больницу — скорее на декорации к хоррору. Ни врачей, ни медсестер, лишь разбитые осколки, мусор и гнетущее ощущение ловушки.

Меня похитили. В этом не осталось сомнений.

Открываю ящик тумбочки — и дыхание перехватывает. Внутри лежит заточенный охотничий нож. Может быть какой-нибудь маньяк хочет сыграть со в смертельную игру? Не понимаю.

— Выходи, кто бы ты ни был! — тишина.

У меня нет врагов, никому не перехожу дорогу и каждое воскресенье хожу на церковные молитвы.

Чтобы что-то придумать с ногой — нужно добраться до комнаты медсестры и найти хоть какие-то медицинские инструменты, и обезбол был бы очень кстати. Могла бы посмотреть в интернете, как достать гигантские спицы, пронзающие ногу насквозь, но к сожалению похититель не упустил возможности прикарманить мобильный телефон себе.

Вот же засранец.

Делаю вдох. Второй. Третий.

Поднимаюсь на ноги и делаю шаг. Один. Два. Ноги подкашиваются и с глухим стуком ударяюсь головой о холодный кафель.

Во рту появляется привкус крови. Кажется, разбила губу. Тяну руку к лицу и последнее, что успеваю подумать: «Черт...» — а затем мир погружается в темноту.

***

— Уважаемые легкоатлеты и любители, мы рады приветствовать вас на нашем двадцать пятом юбилейном марафоне! — Раздается звук из динамиков вокруг сцены, установ-

ленной у старта. — Сегодня состоится старт забега от городка Стивенсон, штат Вашингтон и финишная прямая будет ожидать своих финишеров возле Каскейд Локс, штат Орегон. Общая дистанция составит: сорок два километра сто девяносто пять метров. Вы можете воспользоваться пунктами гидратации, которые установлены каждые пять километров вдоль шоссе, где вас будет ждать: вода или изотоник на выбор и медицинский пост при необходимости.

От его слов тело покрывает сотней мурашек и становится жарко. Адреналин заставляет желудок завязаться в тугой узел.

Веселая музыка наполняет всю улицу, заставляя болельщиков подпрыгивать в такт. Если бы не недовольное ворчание желудка, то присоединилась к ним, но кажется, что сегодня не тот настрой.

Это последний старт в спортивной карьере и для меня важно оказаться в числе победителей. Чувствую нежное прикосновение к руке и поворачиваю голову в сторону.

— Милая, посмотри на меня, — Эндрю приковывает мой взгляд, успокаивая. — Ты справишься. Мы столько готовились.

Подтягиваю пятку к ягодице, растягивая верхнюю поверхность бедра.

— Знаю. Но сколько бы я не готовилась — стресс перед каждым стартом никогда меня не покидает, — проверяю хорошо ли закреплены булавки у нагрудного номера.

Эндрю кивает и ободряюще хлопает меня по ягодице, как делает перед каждыми соревнованиями. Это уже вошло в традицию. Мужчина справа подозрительно смотрит на нас не отрывая взгляда. Кажется, что его глаза темнее, чем могут быть у обычного человека, но скорее всего это — предстартовый мандраж.

Замираем в стартовой стойке, когда слышим обратный отсчет ведущего.

— Десять. Девять…

Делаю глубокие вдохи и медленные выдохи, чтобы подготовить легкие. Осматриваюсь по сторонам для выбора правильной позиции.

Опускаю взгляд на свои руки — тонкие пальцы, стертые ладони, привыкшие к ежедневным тренировкам, — и понимаю, что это последний раз, когда стою на стартовой линии. Врачи сказали, что после этого сезона высок риск снова лечь под нож и лишиться возможности иметь детей. Эндрю знает об этом, но мы договорились не поднимать эту тему сегодня.

— Два. Один…

Хлопок.

Звук выстрела оглушающе прорезал воздух и мы постепенно двинулись вперед. Посматриваю на Эндрю, чтобы не потеряться в толпе и уже вижу первых споткнувшихся участников, которые вероятнее всего получили серьезную травму.

Да это настоящий замес. Не стоило бежать толпой в середине.

Всегда выбираю позицию справа вначале забега, потому что все пытаются привычно урезать радиус. Но что урезать, когда мы бежим по прямому шоссе — непонятно.

***

Кто-то подбегает сзади и касается плеча, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Извините, у вас не будет воды? — задыхаясь спрашивает женщина. — Еще раз простите за мою дерзость. У меня очень кружится голова.

Обращаю внимание на ее потемневшую кожу. Она едва не приобрела зеленый оттенок.

— К сожалению нет. Вам придется потерпеть до ближайшего пункта, — всматриваюсь в мутные зрачки. — Берегите себя.

По часам с установленным gps вижу, что мы уже преодолели первый километр, но усталости не ощущаю. Наоборот, с каждым новым шагом — разбегаюсь и чувствую прилив сил.

— После финиша ты наконец выберешь дату свадьбы? — Выкрикивает Эндрю из толпы.

— Ты такой дурачок, — смеюсь. — Да!

— Ура! — Он вскидывает руку вверх. — Люблю тебя, милая!

— И я тебя!

Солнце только поднимается, потому что старт дали ровно в семь утра. Хорошо, что я не забыла очки.

Утро выдалось на удивление прохладным. Дымка стелется над шоссе, и в ней растворяются множественные силуэты бегунов впереди. Смотрю на их спины — сотни, нет, тысячи, — и на секунду чувствую себя песчинкой в этом потоке. Но это не пугает, а наоборот, успокаивает.

Мы все здесь ради одной цели.

Справа мелькает желтая табличка с надписью «Медицинский пункт — 1 миля», и машинально отмечаю ее взглядом.

Мало ли что.

«Господи, Боже, дай мне сил преодолеть этот марафон и быть в числе лучших», — думаю я и замечаю, как споткнувшуюся женщину поднимают под руки. Я не смогла ей ничем помочь, потому что действительно не брала с собой воду, чтобы не тащить лишний груз. Эндрю даже надел специальный костюм, чтобы не отвлекаться на туалет из-за своего слабого мочевого.

Кажется, я никогда не решусь на такое и лучше десять раз схожу перед стартом, чем буду мочиться прямо в костюм.

Вокруг можно заметить болельщиков, подбадривающих членов своих семей или друзей. Волонтеры машут флагами, и держат баннеры с призывами заниматься спортом и участвовать в международном марафоне.

Размеренно выбегаем за черту города и он остается позади. Нас встречает дорога, идущая вдоль леса. Редкие фермы и тишина, прорезаемая только шагами и тяжелым дыханием тысячи спортсменов.

***

На пятом километре приближаемся к белым палаткам, где нас уже ожидают волонтеры с водой.

— Эй. Давай попьем, — кричу Эндрю.

Он подбегает ко мне, целует в макушку и хватает стакан с водой, продолжая бежать.

Ну спасибо. Мог бы и меня дождаться.

— Изотоник, пожалуйста, — говорю волонтеру и на бегу беру стаканчик из ее рук.

Парень бегущий слева пошатывается и начинает заваливаться в сторону. Пытаюсь его поймать, чтобы он не ударился головой и ровно в этот момент — тело падающего начинает биться в конвульсиях.

— Врача! Человеку плохо, — зову на помощь и уже вижу бегущих людей в белых халатах.

Его веки плотно закрыты и на долю секунды кажется, будто под ними что-то движется, и это явно не глазные яблоки. Тонкое, длинное, извивающееся, как глисты. Встряхиваю головой, чтобы избавиться от этого наваждения и медленно отпускаю парня, передавая в руки медсестры.

Нельзя останавливаться. Нужно бежать дальше иначе потеряю не только призовое место, но и Эндрю.

Бегуны передо мной нервно переглядываются и оборачиваются назад. Когда интерес берет верх — решаю посмотреть в чем дело: сзади у пункта гидратации лежат около десяти человек и у каждого поголовно приступ эпилепсии.

Раздаются крики паники.

На соревнования допускают только с медицинской справкой, поэтому не могу поверить, чтобы эпилептиков допустили до забега. Это просто невозможно. К тому же, чтобы сразу столько человек… да еще и упали в одном месте.

— Ну где ты там потерялась?! — рявкает Эндрю и я спотыкаюсь от неожиданности.

Ускоряю темп, чтобы догнать парня.

Больше не думаю о призовом месте. Я думаю лишь о том, чтобы догнать Эндрю. Потому что если я его потеряю — лишусь всего.

Он даже не обратил внимания на то, что происходит. Может быть просто я обычно невнимательна и такое происходит не впервые. Или это случилось из-за сильного обезвоживания? Нет. Навряд ли оно случится на первых пяти километрах и кажется, у пары человек шла пена изо рта.

Может в воде была какая-то инфекция? Теперь не знаю, как буду пить на пунктах без страха за свою жизнь, но без жидкости — добежать точно не получится.

Оглядываюсь назад: палатки с водой остались далеко позади, но крики все еще слышны. Они не стихают, а наоборот, становятся громче, — кто-то зовет на помощь, плачет.

А кто-то…издает звуки, которые не должен издавать человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.